

Геннадий Чекалин

«ПОМНЮ!»

(ностальгия – раздумья ветерана ТВ)

Волгоград 2017

ОТ АВТОРА

Нет надобности говорить о том, какую роль в современной цивилизации играют электронные СМИ. Прежде всего, важнейшее из них - телевидение. В журналистике я свыше сорока лет. Работал в газете, на радио. Но именно телевидение стало образом всей моей жизни. Кто такой телевизионный журналист, телевизионщик, как мы сами себя называем? Чем он отличается от своих собратьев по профессии - газетчика и радиожурналиста? В основе работы каждого - его мировоззрение, энциклопедические знания, активная жизненная позиция. Но если газета - это, прежде всего, слово, радио - слово плюс красивый голос и отличный звук, то на телевидении этого недостаточно.

Телевизионный журналист, конечно же, должен написать хороший текст. При выборе площадки для синхронной съёмки он обязан, как и «радиист», прислушаться, нет ли излишнего грохота, чтобы съёмка не пошла в брак. Но самое главное, он должен выбрать, а если надо, то и организовать такой фон, такую динамику в кадре, которые, снятые потом камерой

талантливому оператору, мастерски смонтированные искусственным режиссёром, превратятся в красивую картинку, в зрелище на экране.

Не каждый газетчик и радиожурналист автоматически может стать телевизионщиком. Последний должен обладать ещё и качествами режиссёрского видения будущей телепрограммы, её художественного, звукового оформления в целом. Без этого хороший сценарий не напишешь.

На телевидении есть особая каста - телеведущие. Не каждый тележурналист может стать телеведущим. Здесь важен контакт глаз с виртуальным (по ту сторону экрана) телезрителем, поворот головы, искусство паузы в беседе с гостем студии, жест рук, мимика по ситуации (улыбка, недовольная гримаса и т.д.), иными словами - артистизм. Готовясь к передаче, телеведущий думает не только, вернее не столько о своём внешнем виде. До необходимой кондиции его доведут режиссёры, гримёры или, как принято сейчас говорить, имиджмейкеры. Они посоветуют, какого фасона и какого цвета надеть рубашку, пиджак, галстук, кофточку, клипсы, бусы, серьги и т.д. Но самое главное, какие у тебя мысли, как ты будешь доносить их с экрана до телезрителя? Это уже прерогатива ведущего, его энергия, воля, искромётное искусство импровизации. В этом качестве на Волгоградском телевидении я проработал большую часть моей жизни. С ним связаны все мои успехи и неудачи, радость творческих побед и горечь досадных, нелепых срывов.

Задумываюсь: какое же из прожитых десятилетий было наиболее ярким для меня? Все одинаково дороги. Это именно моя биография. Доведись начать сначала, прожил бы также. Может быть, что-то слегка подкорректировал. В работе я себя не жалел. И перед коллегами-ветеранами мне не стыдно.

Часть I.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Читаю книгу Вальтера Кривицкого «Я был агентом Сталина». Это записки советского разведчика, а также интервью, письма, другие материалы из истории советской военной разведки. На одном, что называется, дыхании прочитаны главы об истории Коминтерна, о войне в Испании, о ситуации в мире накануне, во время и после второй мировой войны.

Задумываюсь. А ведь в чудовищной, сатанинской атмосфере массового помешательства, созданной Гитлером в нацистской Германии, были и люди с большой буквы, кристально честные, шедшие на смерть ради всеобщего блага, добра и справедливости: подпольщики из организации «Красная капелла», Рихард Зорге, Вильям Фишер, известный как прототип героя фильма «Мёртвый сезон».

Стук в дверь. Входит кинооператор Виктор Краснов. Мы с ним в командировке в Урюпинске.

- Жарко. Пойдём искупаемся, - предлагает он.

Идём. При виде реки я замечаю:

- Вить, а ты видишь, Хопёр местами стал зарастать кугой и камышом.

Вброд перейти можно.

- Что ты о своём Хопре. Волга и та мелеет. Летом смотреть жалко.

Виктор шагает быстрее. Ещё быстрее. Совсем быстро. Чувствую, что я за ним не успеваю.

- Витя-а-а-а!

... Меня сильно кто-то тормозит.

- Гена, ты громко кричал, - говорит Нина, жена.

- Сон плохой приснился. Чуть ли не каждую ночь с покойными друзьями разговариваю.

Опять задумываюсь. Но уже не во сне. Наяву. А ведь нас, ветеранов-телевизионщиков становится всё меньше и меньше. Студия на Мамаевом кургане разменяла полвека. Шестой, седьмой десяток лет, и уж в живых ветеранов – первопроходцев точно никого не останется. Как будто нас никогда и не было. Нахлынули воспоминания.

ГЛАВА I. «ПЕРВЫЕ»

Хорошо помню свою первую встречу с Михаилом Кузьмичем Моховым, председателем Волгоградского комитета по телевидению и радиовещанию (нынешняя телевизионная радиовещательная компания «Волгоград-ТРВ»). Спокойный взгляд серых глаз. Седые, чуть волнистые волосы, еле-еле заметная улыбка. Последовал обычный в таких случаях ритуал знакомства. Он посмотрел мои документы, задал несколько уточняющих вопросов.

- Владимир Васильевич сейчас в командировке. Посмотрите сегодня наши аппаратные, поговорите с радиожурналистами. А завтра я вас познакомлю*.

Владимир Васильевич - это Володя Кошенков, тогда ещё старший редактор сельскохозяйственных передач областного радио. Мой первый и, как оказалось, последний настоящий непосредственный руководитель, хотя потом их в телерадиокомпании повидал я немало.

(Замечу в скобках, что когда я служил в армии, Володя учился на факультете журналистики МГУ. В составе студенческого отряда университета летом 1961-го года Кошенков, вместо каникул, работал в жарких степях Казахстана. Он вспоминал:

- Это после гагаринского полёта. С Юрием Алексеевичем мы функционеры одинаковые. Он осваивал космос, я осваивал целину. И медаль за это имею.

На Волгоградском радио выпускник МГУ начал работать с 1963-го года. Так что в момент моего с ним знакомства Володя накопил уже солидный профессиональный опыт радиожурналиста).

Кошенков провёл меня по всему пятому этажу здания Главпочтамта на улице Мира, 9, где работали тогда редакции областного радио. Познакомил

** Работу на радио вспоминаю не случайно. Считаю её генеральной репетицией своей дальнейшей работы на телевидении.

со всеми творческими и техническими сотрудниками. Дал первые уроки обращения с репортёрским магнитофоном, наглядно показал технологическую цепочку подготовки радиопередачи (перезапись с магнитофона, монтаж, начитка текста, наложение шумов, музыки и т.д.).

Мне повезло. В тот день как раз творил «великий Вилич». Так коллеги называли Вилича Романовича Люмкиса, фронтовика, талантливейшего радиожурналиста*. Он и внешне был фигурой колоритной. Высокий, под два метра ростом, красавец-брюнет с усиками под Чарли Чаплина. Когда он работал, к студии подтягивалась молодёжь. Это была своеобразная школа профессионального мастерства. Вот на один из таких уроков мне и посчастливилось попасть.

Кошенков представил меня присутствовавшему здесь главному редактору областного радио Михаилу Петровичу Иванову, познакомил с самим Люмкисом. Позже я убедился, что Вилич любил, когда за его работой наблюдали молодые коллеги. А ещё больше он любил, когда его просили взять на совместную радиозапись. Он никогда не отказывал. А у него было чему поучиться.

В газете наиболее сложные жанры - очерк, рассказ. Они по плечу наиболее талантливым журналистам или писателям. На радио самый сложный жанр (сложнее пока не придумали, если, конечно, это не трансляция спектакля) - радиofilm. Именно радиofilm под названием «Главная высота России», приуроченный к очередной годовщине разгрома немцев под Сталинградом, сводил (термин радиийный), то есть создавал Вилич, причем создавал по заказу Всесоюзного радио. (Много позже, находясь на стажировке в Останкино, я узнал, что Вилича в Гостелерадио вообще считали своим человеком).

В сценарий автор вложил много компонентов. Интервью с участниками боёв на Мамаевом кургане звучали, естественно, в исполнении самого Люмкиса (приятный баритон), текст начитывали дикторы Лидия Гришанова

* Вскоре Люмкис был переведён на телевидение. На студии мы проработали с ним бок о бок много лет.

и Клим Коняхин (Клим вёл передачи и на телевидении); диалоги играли артисты драмтеатра, массовые сцены проводов на фронт (пляски, свист, многоголосие, напутствия родственников) мастерски изображали хорошо срежиссированные Виличем сами сотрудники областного радио. В необходимые моменты с различных аппаратов включались шумы боя, переливы гармошки, голос Левитана, фронтовые песни и т.д. С нескольких рулонов звуки сводились в один большой - радиofilm, который и отошлют в Москву. Весь этот процесс осуществлял незабвенный оператор-виртуоз Юра Лопатников. Словно шаман, передвигался он с места на место, включая один аппарат, выключая другой, одновременно жестом руки давал команды дикторам, артистам, массовке. Это был азарт, вдохновение.

Я не случайно подробно остановился на этом эпизоде. Многое потом перенял у Володи Кошенкова, Александра Колль. Но именно Вилич Люмкис показал мне творческую вершину, обозначил направления, маршруты, которыми мне предстояло пройти. Многие его радиоприёмыгодились мне в последующей работе на телевидении.

Отдаю должное Михаилу Кузьмичу Мохову. Ведь он мог (как обычно поступают с новичками) направить меня в отдел информации репортёром. А председатель рискнул, направил на самый ответственный участок, в сельхозредакцию.

Сельхозредакция! Лучшие годы моей жизни! Моя молодость! Как же давно это было. Не зря поётся в песне: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». На улице Мира, 9 я проработал около трёх лет. После чего моя тропинка была протоптана навсегда на Мамаев курган.

К моменту моего перевода на телевидение В.В. Кошенков успешно работал там уже главным редактором общественно-политических передач. Таким образом, я опять поступал в его распоряжение, рассчитывал на его поддержку и, как когда-то на радио, конечно же, получал её. Володя рассказал о текущих и перспективных планах, представил коллективу

редакции, примерно, то же, что в газете отдел. Редактор Георгий Павловский, опытнейший журналист, прошедший школу газеты «Волгоградская правда», фронтовик, поэт. С ним мы сотрудничали недолго: возраст брал своё. Его сменил пришедший из газеты «Молодой Ленинец» Володя Кутепов. Обязанности режиссёра исполняли Юра Скачков и Людмила Петровна Новикова. Галя Потапова - помощница режиссёра (была такая должность в штатном расписании). Вот с этой «армией» мне и предстояло решать все поставленные передо мной задачи.

С чего я начал? Решил, как по эстафете, перенять всё лучшее, что было накоплено моим предшественником Анатолием Сысоевичем Светозаровым. (Участник войны, опытнейший журналист. Стало пошаливать здоровье, он уходил в редакцию писем). С этой целью посмотрел сценарии передач за несколько лет. Бросилось в глаза обилие циклов. Причём вводились они по календарному принципу. Например, зима. Циклы: «Зимовка скота - ударный фронт!», «Ремонт техники - на поток!». Весна: «Сеvu - высокие темпы и отличное качество!». Лето: «Жатве - высокие темпы и отличное качество!». Осень: «Зябь - основа высокого урожая!». Были циклы «Химия и урожай», «В мелиорации - будущее!». Были просто отдельные, интересные передачи.

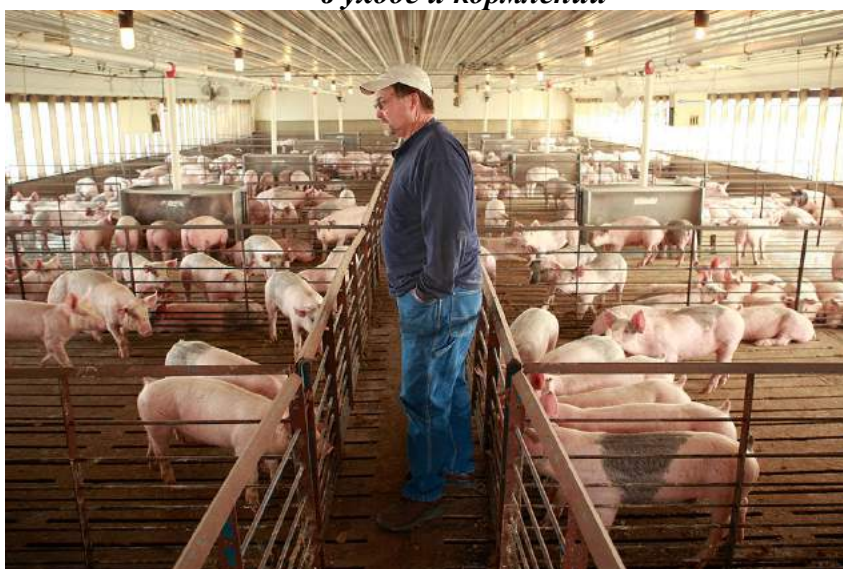
Задумался. А почему телезрителям предлагаются передачи исключительно на производственную тематику? Ведь село - это не только жатва, пахота, ремонтные мастерские, коровники, свинарники и птичники. Село - это, прежде всего, люди и среда их обитания. А это значит, жильё и личные подворья, магазины, Дома культуры, школы, медпункты, дороги.

Объекты сельских горизонтов

Высокоудойные голштинки весьма требовательны

в уходе и кормлении

Село - это речка или пруд за околицей и берёзовая роща неподалёку. Это восходы и закаты солнца. Это - вековые традиции: свадьбы, обряды, обычаи. Так появилась идея: упразднить все существующие циклы и предложить телезрителям одну принципиально новую телепрограмму «Сельские горизонты»*.

* Проект «Сельские горизонты» я задумывал, как одну из форм работы регионального электронного СМИ по идеологическому обеспечению всей экономической стратегии КПСС, её аграрной политики. В основе – тезис партийной программы: стирание граней между городом и деревней. Особое внимание развитию социальной инфраструктуры.

Идею руководство студии поддержало. В соответствии с новой концепцией работы сельхозредакции над оформлением «Сельских горизонтов» прекрасно поработали режиссёры, художники, звукорежиссёры. Появились на экране новая киношاپка, шрифты, музыкальные позывные. В студии - новая площадка (декорация) и современная по тем канонам мебель. Все-эти события происходили осенью 197 года.

Затем на целое десятилетие «Сельские горизонты» стали визитной карточкой сельхозредакции. Во время полевых работ телепрограмма становилась самой популярной передачей Волгоградской студии телевидения.

Мы готовили и показывали в эфире праздники первой борозды (начало весенних полевых работ), первого снопа (начало жатвы). Особенно красочными получались, естественно, праздники урожая. Обычно организовывали «Красный обоз» - автоколонну из десяти – пятнадцати «КАМАЗов». Головной автомобиль украшали знамёнами, цветами. В кузов грузили огромный мешок с зерном. На мешке рисовали многомиллиардные цифры (в 70-ые годы урожая модно было считать в традиционных русских мерах – пудах). Цифры символизировали каравай, который Родина получала от волгоградских хлеборобов.

По пути следования колонны по улицам города её восторженно приветствовали десятки тысяч горожан. Они образовывали своеобразный живой коридор, по которому кортеж с новым урожаем следовал на элеватор. Здесь его встречал военный духовой оркестр и коллективы художественной самодеятельности. Общественная жизнь города в праздники урожая бурлила.

В 70-е годы студия посредством эфира вносила свой вклад в решение важнейших народно-хозяйственных задач региона. Я имею в виду развитие мелиорации. А самое главное, внедрение на полях области прогрессивной, почвозащитной влагосберегающей системы сухого земледелия. Эта тема была предметом особого разговора. Очень важного разговора! Из года в год последовательно, квалифицированно, с участием видных учёных – аграриев

и практиков мы готовили передачи, которые, по признанию самих же земледельцев, были для них своеобразной школой передового опыта.

«Сельские горизонты» телезрители (особенно на селе) ждали. Программу хвалили, критиковали, о ней писали рецензии в газетах. Программу неоднократно положительно отмечали на пленумах обкома КПСС и различных областных совещаниях. Нам, сельхозникам, вручались многочисленные Почётные грамоты всех уровней вплоть до Гостелерадио СССР. Сельхозредакция - двукратный победитель конкурсов и обладатель двух медалей ВДНХ СССР. Мне было присвоено звание «Ветеран труда» и вручено соответствующие удостоверение и медаль. Но вся эта слава пришла позже.

А вначале был пот, нервы, усилия воли и бесконечные километры командировок. Нас с Володей Кутеповым, Юрой Скачковым и Людмилой Петровной Новиковой не пугали и не останавливали никакие общественные и природные катаклизмы. Моя походная сумка лежит сейчас на антресолях. В летний зной и зимнюю стужу, в дождь и снег, весеннюю или осеннюю распутицу в ней всегда находились предметы личной гигиены, электробритва, банка консервов, электрокипятильник и пачка чая. Сумка всегда была наготове!

Задумываюсь. Какие же вспомнить наиболее яркие эпизоды тех лет? Как правило, всегда и везде вспоминаются первые. Первая моя командировка на студии - в Камышинский район. Кинооператор - опытнейший Саша Уколов. По моему замыслу в одной из страниц будущей телепрограммы надо было показать опыт проведения осенних полевых работ в совхозе «Буерачный». В этом хозяйстве готовили почву звеньями из четырёх могучих тракторов «К-700». Иными словами, мне нужен был не столько сам факт подъёма зяби (это для «Вестей»), сколько проблема организации труда на осенних полях.

Если бы я готовил материал в газету, мне достаточно было бы записать фамилии механизаторов, остальное, как говорится, дело техники. На радио можно было бы ограничиться интервью вблизи тракторов, так чтобы их

шумы двигателей накладывались на голоса и, тем самым, обеспечивали эффект присутствия. Но для телесюжета этого мало. Повторяю, надо было не рассказать об опыте, а показать его.

- Саша, - сказал я Уколову, - может, тормознуть и выстроить, чтобы в кадре видны были сразу четыре агрегата?

- Не надо,- ответил он.

И заработал. Снял с одной точки, с другой. Догнал агрегат, снял плуг. Перешёл на другую борозду, там выполнил какие-то операции.

Короче, на студии во время просмотра уже проявленного готового киноматериала я понял, что Саша - большой мастер оперативных, репортажных съёмок. Мгновенно оценил ситуацию. В кадре одновременно видны были, как я и хотел, все четыре агрегата. Они парами плыли навстречу друг другу, укрупнялись, разъезжались, опять появлялись на горизонте. Очень динамичной получилась съёмка.

- Как тебе это удалось? - спросил я Уколова после просмотра.

- Скоро сам всё поймёшь, - улыбнулся он.

Во вторую мою командировку (в Нехаевский район) оператор Ашот Арутюнов помимо, естественно, кинокамеры взял с собой и фотоаппарат. Я сразу понял, что его можно использовать, как ещё одно средство создания картинки на экране, можно было имитировать такой эффектный на телевидении приём, как стоп-кадр. Часто потом мы поступали так со Славой Селезнёвым. Из нескольких своих старых фотоаппаратов он смастерил конструкцию, которую сам же и назвал «Шарабан а ля Селезнёв». При этом весело хохотал. Качество снимков было отменное. В моём архиве и сейчас хранятся Славины фотографии.

Что такое монтажная съёмка? Вообще-то такого специального термина нет. Но я интуитивно начинал понимать её, работая с Анатолием Шубиным. Кинооператоры имели жёсткий лимит расходования плёнки: соотношение один к трём. То есть из каждых трёх снятых всего один метр мог быть полезен, два - в корзину. Поясню по-другому. Предположим, для

телепрограммы мне, автору, понадобится 10 минут киноматериала. На это я подаю заявку в производственный отдел. Согласно этой заявке на складе оператору дадут коробки с киноплёнкой на 30 минут. Шубин ВГИК не кончал. Но он оператор от Бога. Поставишь ему задачу. Подумает. Почувствует реально необходимую продолжительность того или иного кадра на экране. Да так снимет, что за монтажным столом зачастую оставалось только удалить длинноты и засветки. Экономилось много времени.

Думаю, наряду с другими достоинствами, именно за это качество Шубина ценили и Евгений Чистяков, и Евгений Орлов, собкоры ЦТ и программы «Время» по Нижнему Поволжью. Толик работал с ними много лет.

Что такое командировка? Что общего между творческой группой в машине и, скажем, экипажем космического корабля? При всей внешней нелепости этого вопроса задаю его осознанно. Общее - это ограниченное замкнутое пространство. Я не курю. Я задыхаюсь от дыма. Сидящий за спиной Уколов задыхается от свежего воздуха. Дым - его нормальная атмосфера, его стихия. Как быть? Приходится останавливать машину.

Если вперёд смотрящий (так меня называли на переднем сиденье) молчал, значит, молчала вся группа. Знали, что «Дмитрич» работает, то есть на ходу обдумывает какой-то фрагмент будущей телепрограммы. Но бывали и другие моменты, особенно поздней осенью. День короткий, мрачный, дорога дрянь. Начинаешь ворчать, раздражаться. Здесь очень важно, насколько психологически совместимы участники киноэкспедиции. Слава Головёнкин! Первым однажды угадал мою меланхолию. Он вдруг запел:

Был день осенний,

И листья грустно опадали...

Потом этот приём у него стал ритуалом. Слава знал, что я любил мелодии Петра Лещенко. Не счесть сколько раз в далёкой послевоенной юности исполнял наш оркестр и я, его баритонист, на танцевальной

площадке это изумительное танго. При первых звуках Славиного голоса я прекращал своё брюзжание.

Ах, эти чёрные глаза,

Меня пленили вы...

Когда он допевал до конца, я окончательно успокаивался. Слава Головёнкин. Интеллигент. Умница. Большой знаток поэзии. Мастерски рассказывал анекдоты. Знаток кулинарии и сам отлично готовил. Нет уже друга. Царство тебе небесное, Слава!

Если Головёнкин вдохновенно читал Блока, Есенина, Евтушенко, Высоцкого, то ВГИКовец Миша Бакастов оказался первым моим оператором, который сам сочинял стихи. Узнал об этом совсем недавно. Он как-то позвонил мне: «Геннадий, надо встретиться». Вышли мы, два ветерана на берег Волги, и он прочитал:

Тропую горной, неисхоженной

Сквозь скалы, камнепады, осыпи

К тебе идём мы, Господи!

Срываясь в пропасти, карабкаясь на кручи,

От боли плача, корчась и крича...

Я поинтересовался, чьи стихи. Миша многозначительно улыбнулся. Протянул мне целый рукописный свиток: «Почитай». Дома я читал, перечитывал и думал: вот она, скромность. Сколько лет вместе глотали пыль в командировках, а друг на их материале сочинял и молчал. Стихи мне понравились.

Первую цветную съёмку для «Сельских горизонтов» осуществил Вячеслав Кулик-Павский (он одновременно и фотомастер, неоднократно устраивал выставки своих работ в Волгоградском Доме художника на улице Краснознаменной).

Дед Вячеслава, профессор Кулик, - известный исследователь тайны тунгусского метеорита. Всю свою жизнь он с упорством фанатика искал ответ на вопросы: если это, действительно, метеорит, то почему в бассейне

реки Подкаменная Тунгуска на огромной площади около 2000 квадратных километров, опустошенной ударной волной, не было найдено метеоритных осколков? Или это - ядро небольшой кометы, взорвавшееся при вторжении в плотные слои атмосферы? Над разгадкой тайны этого пришельца из космоса ломали голову немало научных экспедиций. Но меня в данном случае интересует не тайна, а желание докопаться до сути, самоотверженность, самоотдача учёного, с которыми он трудился долгие годы. Видимо, эти качества и унаследовал от деда Вячеслав.

Как и другие кинооператоры, перед командировкой он спрашивал, какая основная тема будущей телепрограммы. Но, в отличие от других своих коллег, он шёл в библиотеку, подбирал и просматривал литературу на заданную тему или близкую к ней. Казалось бы, зачем? Да, затем, что на его работу, на снятые им кадры, красиво выстроенные уже не дилетантом, а осведомленным мастером, любо-дорого было посмотреть. На студийных летучках Славины киносюжеты всегда получали высокую оценку.

Помню, ехали по Ахтубинской пойме. На овощных плантациях работали дождевальные установки - захватывающее зрелище. Собрались тучки. Заморосил, как поётся в песне, нормальный летний дождь. Тёплый, скоротечный. Вот из-за тучек выглянуло солнышко. И о, чудо! Появились сразу две радуги: над дождевалкой и на небе.

Профессионал соориентировался мгновенно. Не я, а именно Вячеслав попросил остановить машину: сама природа просилась в кадр. Потрясающей красоты получилась съёмка. Из неё я и смонтировал киношапку, украсил ею свою первую телепрограмму в цветном изображении.

Вот я написал слово «смонтировал». Это значит, порвал плёнку и по законам монтажа каждый отснятый кадр, каждый эпизод расположил в соответствии с авторским замыслом. Оставалось склеить плёнку, синхронизировать со звуком, и киноматериал к эфиру готов. Эти операции выполняли монтажницы. Вначале их работа показалась мне спокойной, технической. Потом пришлось изменить своё мнение. Я понял: монтажницы -это ведь мои первые телезрительницы. По выражению их лиц, глаз, по движению рук, вообще по поведению за монтажным столом становилось ясно, нравится им (а стало быть, и потенциальным телезрителям) киноматериал или нет. Монтажницы имели свои «загашники» - коробки с послемонтажными остатками красивых кадров. Так, на всякий случай. И он рано или поздно им предоставлялся.

В 60-е, 70-е, 80-е годы нас бдительно контролировали цензоры из Обллита. Как правило, они приезжали на Мамаев курган часа за два до

начала вечерней программы студии. Меня начинала бить нервная дрожь: не дай бог, что-нибудь забракуют. Газетчикам проще: выбросили неудобные, по мнению цензора, строки и - на печатный станок. А каково приходилось нам, телевизионщикам? Колесо синхронной плёнки снова надо было нести на монтажный стол, размотать, вырезать неудобный цензору фрагмент, перемонтировать, переклеить, переозвучить. Да так, чтобы синхронность не нарушить. А если песня была подложена под киноматериал?! Мы находились на грани стресса. С особой благодарностью вспоминаю монтажниц Любу Селезнёву, Галю Ильинец, Тамару Опритову. Скромные труженицы в белых халатах с неизменными атрибутами своего священнодействия: переполненная обрывками киноплёнки корзина, пузырёк с ацетоном для склеивания, жёлтый карандаш, лезвие для зачистки плёнки, резак, синхронизатор. Женщины переживали, нервничали вместе с нами.

Моё амплуа ведущего формировалось годами. Особенно благодарен за помощь главному режиссёру студии Геннадию Васильевичу Васильеву. Он по-отечески опекал меня. Никогда не повышал голоса. Словно опытный педагог, хвалил, но никогда не перехвалялся. Указывал на недостатки, советовал, как их устранить.

- Ведущий, - наставлял он, - должность особая на телевидении. Постоянно помни о телезрителе. А это значит, следи за поворотом головы, за жестами рук, мимикой. Умей вежливо прервать выступающего, тактично задать наводящий вопрос. О своём внешнем виде сильно не нервничай. До нужной кондиции доведём его мы, режиссёры и гримёры. Подскажем, какой пиджак, какую рубашку, какой галстук надеть. А вот какие мысли в твоей голове, как ты их будешь доносить до телезрителя (особенно в прямом эфире) - это уже целиком зависит от тебя, ведущего, от твоего искусства импровизации.

Первая передача, которую я провёл, была простой. Киноматериал (тот самый, уколовский) из Камышинского района и трое выступающих. После трактовой репетиции (была такая предусмотрена в технологии 70-ых годов)

вокруг меня зароились мои новые, но опытные коллеги. Один поправлял мой галстук, другой советовал расстегнуть нижнюю пуговицу пиджака, третий - расстегнуть пиджак полностью (дескать, живот на экране виден). Напутствия кончились тем, что мой первый студийный оператор Женя Зайцев цыкнул на советчиков, отогнал их от телекамеры и правильно сделал. Чем больше они советовали, тем больше меня запутывали. На репетиции присутствовал М.К. Мохов. Руководству важно было посмотреть, как я выгляжу на экране.

Свою первую сложнейшую в творческом, организационном, психологическом плане прямую передачу (она не каждому телеведущему по плечу) я провёл уверенно, с достоинством. Говоря спортивным языком, за несколько лет я приобрёл отличную форму, чувствовал себя на коне. Телемост - так называлась эта передача. В моём распоряжении была студия: я, ведущий, три камеры, режиссёр на пульте Геннадий Аксёнов. И ПТС (передвижная телевизионная станция, то есть студия на колёсах). Тоже три камеры, столько же мониторов и ведущих, режиссёр на ПТС Юрий Васягин. Тема - товары для народа - превалировала в работе редакции. А тут ещё и повод прекрасный появился - осенняя ярмарка. В те годы власти организовывали её вокруг Центрального стадиона. Там Евгений Чистяков работал у телекамеры, установленной в самых шумных овощных рядах, Володя Кутепов - на промышленных товарах, Слава Поляков - на хозяйственных.

В студии на кургане Валерий Рачкин осуществлял контакт между руководителями областных торговых организаций и наиболее нахрапистыми покупателями на ярмарке, которые, видя себя на мониторе, прямо из торговых рядов задавали областным начальникам колкие вопросы. Сам я, как бы генеральный ведущий, находился на режиссёрском пульте в метре от тётки Аксёнова. Мы понимали друг друга с полуслова, обмениваясь взглядами, жестами рук. Мгновенно я мог подключить к разговору любого из

ведущих, выступающих и, по необходимости, даже шумного покупателя. Рейтинг телемоста был потрясающий*.

Программы, о которых упомянул выше, я провёл в эру чёрно-белого телевидения. А вот на цветном экране себя самого, как ведущего, впервые увидел при следующих обстоятельствах. Вернулся из очередной командировки. Вижу, у студии «А» (самая маленькая из трёх на Мамаевом кургане) толпятся коллеги. Подошёл. На мониторе - диктор Тамара Козлова то ли в жёлтой, то ли в оранжевой кофте. Лицо закрыто каким-то малиновым пятном (цветопробы только начинались, и далеко ещё было до оптимального режима). Я так и остолбенел, стал очевидцем исторического события: Волгоградская студия вступала в новую эру своей истории, эру цветного телевидения. За пультом сидели главный режиссёр студии Анастасия Ивановна Осокина и один из ведущих режиссёров Геннадий Оксин. В самой студии за камерами стояли опытнейшие телевизионные операторы Владимир Данилович Дубинин и Юрий Маркович Костяной. Тамара по указанию с пульта то и дело ходила в свою комнату (метров за пятьдесят) переодеваться. Время затягивалось. В конце концов, это всем надоело. Надоело, прежде всего, самой Тамаре. Она принесла в студию целый ворох разноцветных вещей и, прямо в комбинации, не стесняясь, по указанию с пульта брала и прикладывала к груди ту или иную кофточку, блузку, перекрашивала губы. Эксперимент оживился. (То же самое делала и диктор Ольга Кветко).

В одну из пауз я сел перед телекамерой. Это был восторг! После цветной чёрно-белую картинку не хотелось смотреть! Переключите, уважаемые читатели, свои телевизоры с цветного на чёрно-белое изображение, и вы испытаете то, что я тогда испытал. Я понял: цвет открывает новые безграничные возможности для сценариста, режиссёра, оператора, художника. Надо было перестраиваться и работать принципиально по-новому.

* Сейчас телестудия такую форму работы, как телемост, не практикует.

В тележурналистике среди множества есть один приём подготовки картинки - так называемая съёмка «скрытой камерой». Этот приём применяется чрезвычайно редко. И вот почему. Во-первых, повод должен быть неординарный. Во-вторых, надо учитывать морально-этические последствия такой съёмки. Ведь не каждый человек захочет увидеть себя на экране по тем или иным причинам. По ситуации он может предъявить претензии, даже обратиться в суд и выиграть дело. Кроме того, съёмка «скрытой камерой» носит какой-то таинственный, если хотите, полукриминальный оттенок. Сейчас её часто применяют творческие группы телепрограмм «Вести. Дежурная часть», «Человек и закон», в телесериалах на криминальные темы. Наконец, группа рискует: могут оскорбить, обругать, разбить камеру.

За всё время работы на телевидении этот приём я применял несколько раз. Самый же первый повод был, действительно, неординарный. Не помню точно дату, но произошло это весной 1986-ого года, когда начиналась знаменитая антиалкогольная компания, и значительные творческие силы всех СМИ были соориентированы на активное участие в ней*.

В газетах жирными шрифтами выделялись набившие оскомину рубрики «Пьянству - бой!». На телеэкранах замелькали бульдозеры, которые сравнивали с землёй виноградные плантации. Штатные райкомовские идеологи из кожи лезли, стараясь выдумать рекомендации позаковыристее. Появились киносюжеты о свадьбах с чаепитием, о днях рождения с легкоатлетическими кроссами. Беспроblemно уже нельзя было провести юбилей, новоселье, даже похоронить человека (по себе знаю, когда хоронил отца). Росла социальная напряжённость. Жирела на «левой», «палёной» водке теневая экономика. Страну охватила новая болезнь - токсикомания.

* Компания началась после XXVII-го съезда КПСС (работал 24 февраля - 6 марта 1986-го года в Москве, в Кремлёвском дворце). Её инициаторы М.С. Горбачёв и секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачёв. Цель - сделать страну безалкогольной - не была достигнута. – *Прим. моё.*